

Сцена. - СПб. - 1996. - 1000. - с. 5.

ТЕАТР

Александр Галибин:

“Слух о том, что я элитарный режиссер, - это чушь!”

КРИТИКИ называют спектакли **Александра Галибина** лучшими спектаклями сезона, периодически дают им премии и раскладывают на элементарные частицы сложную ткань его режиссерских изысканий. Зрители испытывают на его спектаклях полную гамму чувств: от любви до ненависти и обратно. Причем не только сопереживая героям, но и выражая свое отношение непосредственно к режиссеру.

- Александр Владимирович, еще год назад чуть ли не половина петербургских театров не имела художественных руководителей, не говоря уже о главных режиссерах. Теперь время безвластия прошло: очень многие известные люди берут театры в свои руки. Анатолий Праудин, например, главный режиссер ТЮЗа, Владислав Пазин - директор Открытого театра... Только вы из общего процесса пока выпадаете. Почему?

- Ну, во-первых, никто ничего не берет. Им дают или, скажем так, предлагают. Но, наверное, для “дающих” или “предлагающих” я не очень удобный человек, ибо, поменяв профессию и изменив свою жизнь, я поменял и сознание. Мою внутреннюю позицию можно определить словами человека, дружкой которого я очень дорожил. “Самое страшное - это врать” - так говорил Евгений Соломонович Калмановский. Это было одной из причин моего ухода из актерской профессии. Я не мог боль-

ше заниматься этим. Это вовсе не означает, что актеры - лгуны, нет и нет; речь о некоем моем внутреннем ощущении этой профессии... Я стал мучаться. А в 1987 году увидел “Серсо” Анатолия Васильева и понял, что мне делать дальше. И стал студентом Школы драматического искусства - так в моей жизни появился учитель. Режиссура, как и актерство, - наука, которая передается из рук в руки, при непосредственном общении. Цепочка “учитель - ученики” выглядит так: Станиславский - Попов - Кнебель - Васильев - мы. “Передача” - это каждодневный труд, и так было четыре года. Васильев не только развивает теорию театра, он применяет ее на практике.

Передав от Анатолия Васильева знания, я пытаюсь открыться в актере то, чего он сам о себе не знает - то есть его самого. А поскольку процесс этот - обоюдный, то и себя тоже - как режиссера. Так появляется стиль, почерк; так развивается

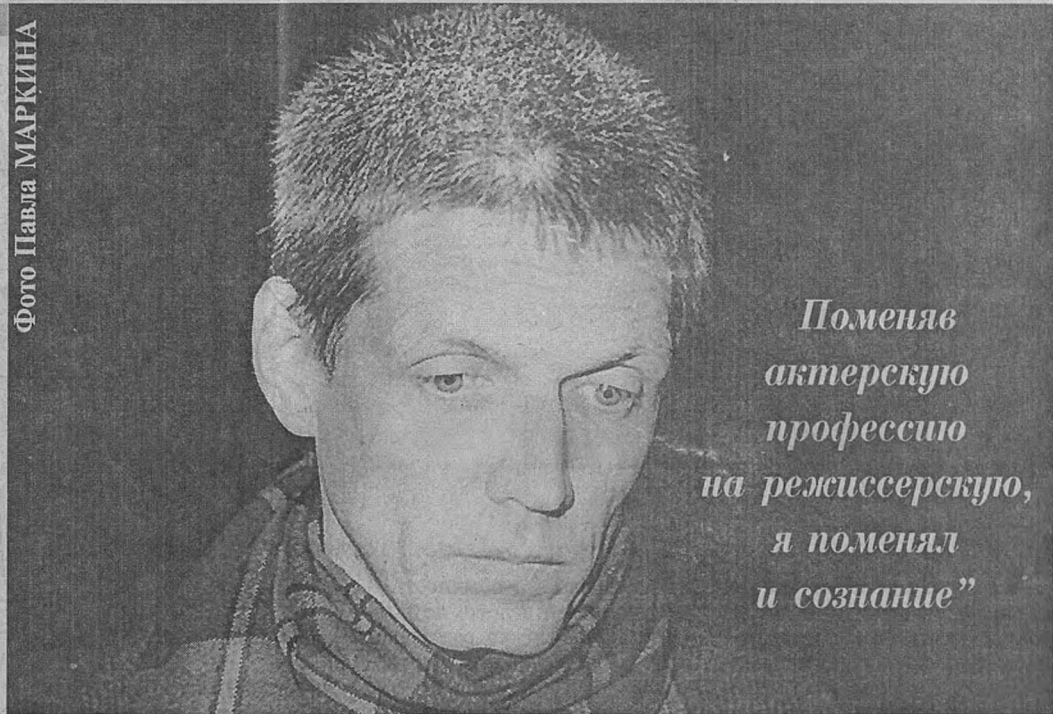
театр в процессе - от спектакля к спектаклю. Путь этот - долгий и далеко не комфортный. После спектакля “Три сестры” в Театре на Литейном возник слух, что я элитарный режиссер. Чушь! Для меня это вообще был программный спектакль, где идеи Станиславского реально воплотились в действии.

- И все-таки вам не хочется прийти в какой-нибудь театр и сказать: “Хочу, чтобы здесь все было по-моему!”?

- Я думаю, что путь разрушения - это вообще не путь, тем более на театре. Все-таки театр - это созидательный процесс, и начинать его со слов “будет по-моему” нельзя. А если не будет? Существуют же свои традиции, неписанные законы. Кроме того, атмосфера каждого театра - своя, уникальная, неповторимая... Надо разобраться во всем этом, и только потом предлагать что-то свое, но ни в коем случае не навязывая, а уж тем более не разрушая.

- Вы ставите сейчас уже второй спектакль в Александринском театре. Анатолий Праудин - третий. Отчего Александринка, еще недавно приговоренная к творческой смерти, теперь оживила настолько, что привлекает сюда самых прогрессивных, модных и интересных людей?

Фото Павла МАРКИНА

Поменяв актерскую профессию на режиссерскую, я поменял и сознание”

- Был сделан верный шаг - ликвидирована междоусобица. Театр, где идут внутренние разборки, обречен. Возникло главное - рабочая атмосфера. У актеров появилось ощущение внутренней свободы, исчезло деление на “плохих” и “хороших”, на “гарнир” и “основное блюдо”.

Могу сказать, что дирекция театра делает все, чтобы творческий процесс не останавливался. Мне здесь верят - и это главное. Ни у кого нет амбиций. Под крышей театра работают разные режиссеры. Публика в театр вернулась. Каждый спектакль - событие. Вообще это чрезвычайно сложная задача - создание в театре атмосферы взаимного доверия. Разрушить ее легко. Примеры? Пожалуйста, “Три сестры”. В результате амбиций спектакля не стало. Декорации распилены, а сыграно было не более 15 спектаклей. Театр и дороги моему сердцу

актеры, с которыми был пройден путь, думаю, стали беднее.

- А какие чувства вы испытываете к своим коллегам?

- Во всяком случае внутренне я пытаюсь избегать всякой критики. И театр все-таки не с вешалки начинается, а с внутреннего чувства театра как храма, воспитанного и осознанного в себе. Вообще в театр должны прийти образованные люди, да они и приходят, собственно...

- Знаете, облик ваших спектаклей похож на ваш собственный - они очень сдержанные, аскетичные. А еще - достаточно жесткие...

- Можно продолжить: сухие, рациональные, головные... А вот посмотрите на лица зрителей после “Городского романа” в театре на Литейном, после “Воспитанницы” в Александринке. Мне не хочется повторяться, но лишь в какой-то строгости по отношению к профессии можно

добиться очень простых и понятных результатов. Надо проанализировать предыдущий опыт и идти дальше, развивая его.

- Что вы делаете теперь?

- В Александринке возникла идея постановки исторической пьесы Фридриха Горенштейна “Детоубийца”. Мне предложили этот материал. Когда я в первый раз прочитал, то подумал, что сделать это нельзя. А Евгений Калмановский мне сказал: “Саша, иногда нужно делать не только то, что тебе хочется, а то, что надо. Но не в смысле компромисса, а потому что время пришло. И поверь мне, что время этой вещи пришло, но для этого надо ее осмыслить”. В результате появилась версия пьесы, которая называется “Сказание о царе Петре и убиенном сыне его Алексее”. Скоро начнутся репетиции...

Беседовала Алла БРУК